

Выбирать мозгом

После теракта в Домодедове, случившегося, как известно, в зале прилета, то есть в «грязной» зоне, президент Медведев распорядился досматривать пассажиров еще на входе в аэропорт.

Вскоре после этого благодетельного распоряжения мне случилось лететь из Домодедова.

На входе была давка. Я не говорю, что она теперь всегда, но так получилось, что, когда я улетаю, давка была совершенно непотребная, без преувеличения, сравнимая с давкой при посадке на поезд во время какой-нибудь эвакуации в 41-м. Вести себя прилично в этой давке было просто невозможно, потому что тот, кто вел себя прилично и не лез вперед, через полчаса понимал, что он никогда не успеет на самолет, — и тоже начинал ходить по головам и отпихиваться локтями.

С точки зрения безопасности, эта давка была кошмаром, потому что, во-первых, любой террорист, взорвавшийся в этой толпе, унес бы жизни сотни человек. Да ему и не надо было взрываться самому: достаточно было протиснуться, поставить чемодан на пол и вылезть обратно — в давке никто бы и внимания на него не обратил.

Во-вторых, интроскоп, на котором якобы проверяли багаж, взрывчатку просто не обнаруживает: машины для надежной проверки багажа занимают в Домодедове весь подвальный этаж и включают в себя томографы и атомизеры.

В-третьих, для того чтобы хотя бы на интроскопе разглядеть что-то, оператор машины должен досматривать каждую вещь, крутить ленту взад-вперед, спрашивать о содержимом. В данном случае лента шла, нагруженная в два этажа и впритык, и если бы оператор, девочка-милиционер, задержалась хоть на секунду — толпа бы ее разорвала. Так что ничего она не смотрела — только делала вид.

Вообще-то, кстати, в аэропортах давно научились упорядочивать любые очереди — это делают с помощью лент. Элементарно. Но, к сожалению, по закону, вход в «грязную зону» не в компетенции коммерческого аэропорта Домодедова. Это в компетенции государства.

Поэтому из 400 ментов, кормящихся в Домодедове, на проверке пассажиропотока, составляющего десятки тысяч человек в день, стояли 8 (восемь) человек. Один из входов был вообще перекрыт, а о том, чтобы сделать из толпы очередь, менты даже и не думали.

Весь этот ужас времен Гражданской войны, был, разумеется, только на входе. Дальше, где кончалась компетенция ментов и начиналась ответственность собственно коммерческого частного аэропорта, все было замечательно. Десятки небольших очередей, сотни служащих: и все то, что потом растекалось ручейками по громадному аэропорту, стояло у милицейской запруды на двух входах.

Так получилось, что я летела в Израиль, и так получилось, что в Израиле я, в числе прочего, встречалась с человеком, профессионально и на очень высоком уровне занимавшимся вопросом террористической безопасности. Скажем так, это был ровно тот человек, который этими вопросами в свое время и занимался.

И так как я думала, что вот, как обыватель, чего-то не понимаю в безопасности, а президент Медведев зрит в корень, я спросила моего собеседника, способствует ли безопасности давка на входе.

Мой собеседник очень удивился и ответил, что вообще обнаружение террориста — это прежде всего вопрос мозгов, а не механического контроля.

— Вот видите охранника на входе в отель, — сказал он (мы сидели в лобби), — он должен заметить подозрительное лицо еще до того, как оно подойдет к двери. Он должен отмечать любое подозрительное поведение. Если, например, кто-то шляется вокруг, он должен подойти к этому человеку и спросить: «Вам помочь»? Он должен задать любой вопрос, чтобы услышать акцент говорящего. Потому что внешность у человека может быть любой, а акцент не спутаешь.

— Вы меня не так поняли, — сказала я, — там на входе давилась толпа. Там уже не до акцента.

— Но это бесполезно, — пожал плечами мой собеседник, — проверять всех. Всегда надо делать profile. Люди до 18 лет — это безопасная категория, они не взрываются.

— Тут я бы с вами поспорила, — сказала я, — у нас на Кавказе в горах встречались и 15-летние.

— Возможно, эту норму нам и самим придется пересмотреть, — согласился мой собеседник. — Но пока правила таковы, что люди до 18 лет не взрываются и после 45 тоже.

Я вспомнила шестилетнего мальчика, которого в толпе передавали на руках и огромную армянскую тетку лет шестидесяти, грузившую передо мной на ленту неисчислимый багаж. Они стояли в этой очереди, потому что Медведев велел.

— К тому же террориста надо выявлять до входа, а не на входе, — продолжал мой собеседник. — Террорист на входе — это уже провал спецслужб.

— А скажите, — поинтересовалась я, — у нас в Москве 29 марта 2010 года взорвалась дагестанка Марьям Шарипова. Она была вдова боевика-иорданца, что редкость, у нас не так много иорданцев на Кавказе, и третья жена другого боевика. Оба ее брата состояли в моджахедах, а ее отец специализируется на «правозащите» боевиков и после ее смерти рассказывал, что кровавый режим подложил его дочь в метро, чтобы скомпрометировать мирных мусульман. Скажите, какой шанс, что в Израиле такая женщина осталась бы без наблюдения? Я не говорю — ареста. Я говорю — наблюдения.

— Дело не в наблюдении, — пояснил мой собеседник, — а в том, чтобы вы знали, кто где что делает. Для этого у вас должны быть агенты среди врага. Желательно главы больших кланов. Вот если бы дядя этой Марьям был вашим агентом — он же знал бы, что собирается сделать племянница?

— Ну так агента убьют, — сказала я.

— О, нет, это же секретный агент. Никто, кроме вас и него, не знает, что он агент.

Тут я поняла, что мы с моим собеседником живем в разных мирах, потому что ему казалось невероятным, что агента сдадут, а мне — что он сможет остаться неизвестным.

— Что вы, — сказала я, — у нас на Кавказе у чекистов можно купить не только имена агентов, но и распечатки их телефонных разговоров. У нас оба наших главных теракта — «Норд-Ост» и Беслан — произошли оттого, что люди, которых ФСБ считало своими агентами и открыло им «зеленый коридор», на самом деле воспользовались этим коридором, чтобы захватить заложников.

Я не стала грузить моего собеседника рассказом о том, что чекисты на Кавказе получают очень неплохо. У них тройная зарплата и год службы идет за три, а по окончании трехлетнего срока им дают квартиру в любом городе России, кроме Москвы, Питера и Сочи. За такие деньги можно было бы и не торговать прослушками.

— А скажите, — спросила я, — Магомед Евлоев, который взорвался у нас 24 января в Домодедове, был конченный наркоман; он вел себя странно и в Домодедове был второй раз. В первый раз он отправился в баню в отеле, разделся, помылся, оделся обратно, причем забыл одеть трусы, отказался расплачиваться. Скажите, в Израиле его бы взяли?

— Всякое нестандартное поведение должно привлекать внимание, — отчеканил мой собеседник.

— Хорошо, а что делать, если агентурная работа провалилась и внимание к себе враг тоже не привлек? Как остановить его до блокпоста?

— Никак, — ответил мой собеседник, — именно поэтому так часто взрываются на блокпостах.

Вот это «никак» было, пожалуй, самым важным из всего, что я услышала. Если агентурная работа ФСБ провалена до такой степени, что они не знают о намерениях Марьям Шариповой, если уровень наплевательства таков, что не замечают странного поведения Магомеда Евлоева в бане, — то поздно потом устраивать давку на входе и думать, что она повлечет за собой что-то, кроме увеличения числа жертв на порядок.

Обратно я, понятное дело, летела через аэропорт Бен-Гурион. Ввиду вековой мечты арабов — взорвать

самолет в небе над Тель-Авивом, — Бен-Гурион полностью контролируется ШАБАК (Общая служба безопасности Израиля — прим.ред.). Все сотрудники, которые стоят на досмотре, — это ШАБАК.

За несколько километров до аэропорта мы притормозили на блокпосту, и бдительный человек с автоматом, заглянув в машину, проделал ровно то, о чем и говорил мой собеседник: оценил уровень опасности сидящих в машине.

На входе в аэропорт никакой рамки и никакого интроскопа не было. Там стояли два охранника, которые никого не досматривали. Если что, человек, заглянувший в машину, сигнализировал бы им о потенциально опасном пассажире. А так их задача была ровно обратная: не скапливать вокруг себя людей, потому что чем меньше людей стоит возле охранника в тот момент, когда он проверяет подозрительного пассажира, тем лучше.

Они выбирали мозгом. Которого у наших ментов и президента Медведева, увы, нет.

Автор: Юлия Латынина © Ежедневный журнал СТРАНА, РОССИЯ 👁 2923 10.03.2011, 11:24 📄 285

URL: <https://babr24.com/?ADE=92198> Bytes: 8350 / 8350 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Юлия
Латынина.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)